

Мыслитель и человек (материалы «круглого стола» журнала «Вопросы философии»)*

В. А. Лекторский (*академик РАН*). Мы собрались, чтобы поговорить об идеях умершего в прошлом году Александра Александровича Зиновьева — человека больших дарований и необычного во всех отношениях. Необычна не только его жизнь, о которой можно было бы написать книгу. Непривычны те идеи, которые он выдвигал и разрабатывал в самых разных областях знания: от логики до социологии и этики. Он прокладывал новые пути и в литературе («социологический роман»), и в живописи.

Некоторые его идеи были приняты философским сообществом (точнее, его интеллектуальным авангардом) почти сразу. Я имею в виду прежде всего интерпретацию метода восхождения от абстрактного к конкретному на основе логической реконструкции методологии «Капитала» К. Маркса — тема его кандидатской диссертации, защищенной в 1954 г. в МГУ. Мне уже приходилось писать о том, что в отечественной философии во второй половине 50-х годов прошлого столетия по существу произошел интеллектуальный переворот, лидерами которого были два человека — в то время аспиранты философского факультета МГУ: Э. В. Ильенков и А. А. Зиновьев. Они создали в нашей стране новое и плодотворное поле философской деятельности — методологию научного

* Опубликовано: Вопросы философии. 2007. № 4.

познания и сформулировали основную проблематику исследовательской работы в этом поле. За ними пошла молодежь, в том числе я, тогда студент философского факультета. Правда, их понимание способов философской работы существенно различалось. Каждый из них создал свою школу. Из школы А. А. Зиновьева вышли такие известные философы и социологи, без которых нельзя представить развитие нашей философии, методологии и социальных наук за последние полвека, как Г. П. Щедровицкий, М. К. Мамардашвили, Б. А. Грушин (каждый из них потом имел собственных последователей). Между школами Э. В. Ильенкова и А. А. Зиновьева в 50–60-е годы шла острая полемика, что не исключало во многом общности того, что они делали. Я был в те годы учеником Э. В. Ильенкова и принимал его понимание философии. Но Александра Александровича я знал хорошо, еще будучи студентом, а потом особенно сблизился с ним, когда поступил в 1957 г. в аспирантуру Института философии АН СССР. Я изучал его работы как по методологии «Капитала», так и по символической логике, когда понял, что для меня это важно (в начале 60-х годов я прослушал курс его лекций по логике). Мне приходилось обсуждать с ним в эти годы философские и логические проблемы.

В начале 60-х годов Александр Александрович начал расширять логическую проблематику с помощью освоения символической логики и был лидером целого «когнитивного движения», которое увлекло многих и включало не только философов и логиков, но и психологов, лингвистов, математиков.

В эти годы он сформулировал собственное понимание логики. Вокруг него сложился круг учеников, работавших в рамках сформулированной им программы. Но судьба этой школы была драматичной. И не только по причине идеологических преследований Александра Александровича, которые начались в середине 70-х годов и привели к его высылке из страны. Дело также и в том, что многие наши логики, в том числе те, кто первоначально шел вместе с А. А. Зиновьевым, не приняли его нового понимания логики и ее задач.

Социологическая концепция Александра Александровича, которую он разрабатывал с середины 70-х годов и которая получила достаточно полное выражение в его «Логической социологии», до сих пор основательно не осмыслена профессионалами-социологами.

По сути дела, те идеи, которые Александр Александрович разрабатывал в последние 30 лет, не обсуждались сколько-нибудь основательно в нашей профессиональной философской и социо-

логической литературе (хотя попытки такого рода все же предпринимались, это, например, проведенный нашим журналом в 1992 г. «круглый стол» «Советское общество и советский человек — точка зрения Александра Зиновьева» // Вопросы философии. 1992. № 11, а также выпущенная в 2002 г. к юбилею Александра Александровича книга «Феномен Зиновьева»). В то же время широкая публика хорошо знает литературные произведения и публицистику А. А. Зиновьева, основанные на его теоретических идеях. То, что А. А. Зиновьев занимает особое место в отечественной культуре второй половины XX в. и начала века XXI, общепризнано. А вот его философские и социологические идеи до сих пор мало осмыслены. В чем причина этого явления, я не буду сейчас говорить. В любом случае ясно, что мы должны это осмысление осуществить. Не только потому, что нужно отдать дань нашему выдающемуся мыслителю и необыкновенной личности, но и потому прежде всего, что разговор о идеях А. А. Зиновьева — это способ понимания современного мира, современного человека и современной России — ведь именно это и было главной жизненной проблемой Александра Александровича. Осмысление его идей — это попытка разобраться в том, что сделал Александр Александрович, и включить это в наши современные дискуссии. Одним из шагов в такого рода осмыслении должен быть наш «круглый стол».

Эрнст Неизвестный (*скульптор, США*). Те, кто дружил с Александром Зиновьевым и любил его так же долго, как я, знает про его уникальный дар: он обладал трехмерным видением стрекозы — видел под любым углом, сразу во всех направлениях и, кажется, в некоторых иных измерениях.

Зиновьев никогда не произрастал «из», не срастался «с» тезисами, партийными или групповыми. Его мышление и метод бытия были полифоничны, как его одаренность. Он был позитивистом и поэтом одновременно. Логик и парадоксалист, саркастический критик, рисовальщик беспощадных, зачастую злых карикатур на всех и вся...

При некотором поверхностном рассмотрении путешествий по жизни Александра Зиновьева и его же жизненных трудов может показаться, что мой друг противоречив. Но в действительности это ощущение весьма мнимое. Даже в самых противоречивых его работах, если взять себе за труд внимательно проанализировать сказанное, мы увидим основное качество мысли Зиновьева — смелость и свежесть суждений, неповторимую, чисто зиновьевскую событийность, сопричастность и... категоричность.

Говорят, что его любимым героем был Дон Кихот. Мне кажется, что основная разница состоит именно в том, что Кихот сражался

с собственной же иллюзией, в то время как наш герой, как никто другой, помышлял и мыслил о существующем, он видел и описывал социальные структуры и одновременно их весьма реальную связь с мелочами повседневности. Тем же и мучился. Мучился от реальности обывательской повседневности — логического и печального последствия земного бытия.

Его Мысль, его Опыт — есть постоянная Исповедь, исполненная внутренней необходимости. Следовательно, в чем бы он ни преуспел, он бежал от собственного успеха в противоположную сторону. Зиновьев стал «беглецом из стана победителей». Но никогда он не бежал от себя! Он никогда не бежал от своего способа жить и мыслить — парадоксально и точно! Логик и художник... Беспощадный аналитик и очарованный странник...

Зиновьеву удалось соединить несоединимое. Если взглянуть на элементы его суждений, перед нами предстанет хаотически разрозненный «пазл» в коробке жизни. Но если этот «пазл» подетально собрать, то увидим мы хоть и сюрреалистическую, но целостную картину бытия современного, смелого гражданина-мыслителя, не укрывавшегося в академических структурах, а «без страха и упрека» принимавшего на себя все несовершенства сегодняшнего, современного нам, уже не очень молодого, но все еще формирующегося мира.

А. А. Гусейнов (*академик РАН*). Эрнст Иосифович точно обозначил и своеобразие феномена Зиновьева, и одновременно задачу, которая стоит перед всеми, кто думает над тем, что представляет собой Александр Александрович Зиновьев как явление нашей философии и культуры в целом. Многогранная деятельность, сравнительно долгая жизнь — они, конечно, обязывают говорить о Зиновьеве расчлененно, о логике Зиновьева, о социологии Зиновьева, о его художественной прозе, о его изобразительном искусстве, о его личностной харизме. Зиновьев и философская среда 60–70-х годов. Зиновьев и диссидентство. Зиновьев и эмиграция. Зиновьев и перестройка. И каждая из этих тем, конечно, нуждается в специальном исследовании и, думаю, таит в себе что-то несомненно очень ценное и важное. Но, мне кажется, все-таки более существенная проблема — существенная и сама по себе, и для того, чтобы понять отдельные аспекты творчества Зиновьева, — состоит в том, чтобы осмыслить Зиновьева в его целостности. Скажем, известно, что в философии он прежде всего занимался логикой и методологией науки. Здесь есть четкий набор текстов, ясных позиций, есть история противоречивого отношения к нему и т. д. Одновременно есть у него плохо известные в нашей философской среде, но тем

не менее очень важные философско-этические повести «Иди на Голгофу» и «Живи», философско-этические поэмы «Мой дом — моя чужбина» и «Евангелие для Ивана». Возникает вопрос: как эти две части его философского творчества соединяются между собой? Это только философия. Рядом — социология, общесоциологическая теория, развернутые учения о советском коммунизме, о современном Западе. Рядом — художественная проза, замечательные социологические романы. Есть еще картины, прежде всего сатирические портреты. Особого внимания заслуживает его общественно-политическая активность. Как это все собирается воедино? А оно собирается. И Зиновьев интересен именно тем, что он обозначает какой-то новый этап в становлении человека. Это — некий единый, интеллектуально-экзистенциальный комплекс, совокупность разных учений и социальных позиций, которые складываются в целостную жизненную программу.

Известно, что в философии существует две традиции. Одна идет от Гераклита, самый яркий ее представитель Платон, она тянется вплоть до настоящего времени, в XIX—XX вв. ее воплощали философия жизни, экзистенциализм. Она предлагает некое мифопоэтическое видение мира, точнее: философия опирается на те формы культуры (религия, искусство, мораль), которые создают ценностные образы мира. Есть и другая линия, сциентистская, ориентированная на адекватное понимание мира, которая идет от Фалеса. Ее кульминацией в Античности является Аристотель. Она тоже проходит через всю историю философии и в наше время представлена аналитической традицией. В одном случае философия понимается как особый род познания, высший, но тем не менее род познания, во втором случае она понимается как мудрость, как некий образ жизни, это тоже, конечно, познание, но познание, прямо связанное с жизненной мудростью. Место Зиновьева в нашей философии всегда связывалось с научно-ориентированной линией философии. Из его школы вышли такие известные ученые, как Б. А. Грушин, Г. П. Щедровицкий. Им двигал пафос научной философии. Он даже иногда допускал утверждения, нелестные по отношению к философии, имея в виду традицию, которая культивирует многозначность понятий, характеризуется неопределенностью, текучестью содержания. Издевался над выражениями типа таких, что в одну реку нельзя войти дважды. Как это нельзя войти, говорил он, да купались мы всегда в одной и той же реке. Любимыми его выражениями были «научный взгляд на мир», «научное понимание общества», «научное понимание человека». «Научность» — это был его пафос, его жизненная позиция. Он,

конечно, находился целиком и полностью в русле рационалистической традиции Нового времени, исходил из того, что разум есть всеобщий путь познания и что успех познания зависит от правильного метода. Он ставил своей задачей создавать такие тексты, чтобы из них нельзя было вычитать ничего, кроме того, что там есть, т. е. тексты, которые не поддаются двусмысленным противоречивым интерпретациям. Отсюда, между прочим, и особенность его языка, который состоит из простых и ясных предложений, как правило, очень кратких. Словом, Зиновьев считал, что точность в философии должна быть верифицируемой едва ли не так же, как и в естествознании. Он придерживался традиции философского сциентизма. Разумеется, я не собираюсь опровергать эту очевидность. Но тем не менее мне кажется, что Зиновьев все-таки не умещается в этой традиции. И не случайно, между прочим, он разошелся со всеми своими учениками, которые продолжали линию научной философии. И это, мне кажется, свидетельствует о том, что для него философия, понятая как логика и методология, была не последним словом. Это была всего лишь философская техника, подчиненная другим, более важным экзистенциально нагруженным задачам.

Александр Александрович сам попытался свести воедино разные аспекты своего творчества как выражения смысла прожитой им жизни. Этому посвящена его последняя книга «Фактор понимания», которую он завершил уже будучи во власти неожиданно свалившейся на него тяжелой болезни. «Фактор понимания» — своего рода символ веры Зиновьева. Эта книга не является исповедью, разве что только в том же смысле, в каком исповедью можно считать «Рассуждение о методе» Декарта. Исповедь в традиционном значении автобиографии у него тоже есть, она так и называется «Исповедь отщепенца». «Фактор понимания» — нечто иное. Здесь излагается зиновьевское видение современной жизни, выражение «фактор понимания», как пишет сам Зиновьев, он употребляет вместо привычных терминов «философия», «мировоззрение», «идеология» и т. д., поскольку эти последние расплывчаты, вызывают нежелательные ассоциации, скрадывают то, что хочет сказать и говорит именно он. Так получилось, что книга, в которой Зиновьев подводит итог всему, о чем он думал и чем жил, оказалась его последним делом на земле. Итак, почему фактор понимания, что он означает? Я попытаюсь схематично ответить на этот вопрос.

Вот что говорит об этом сам Зиновьев в первых же фразах книги: «Действия людей и результаты этих действий определяются

комплексами многочисленных факторов (причин, условий, обстоятельств). В число этих факторов включается и то, что люди думают о ситуации, в которой совершаются их действия, о самих себе и о своих возможностях, короче говоря — фактор интеллектуальный, или фактор понимания. Изучение и усовершенствование его стало делом всей моей жизни с самой ранней юности (с конца тридцатых годов двадцатого века)». Человек не просто живет, совершая те или иные действия, он еще способен давать себе отчет в том, как и почему он совершает их. Он способен понимать. Понимание есть тот фактор, через который человек может оказывать влияние на свою жизнь, придать ей достоинство ответственного существования. Соответственно, назначение человека состоит в том, чтобы научиться понимать, чтобы мыслительный, интеллектуальный процесс, опосредующий его жизнедеятельность и включенный в него, был наиболее доброкачественным.

Первое основное потрясение, которое Зиновьев, по его собственному признанию, испытал на пути понимания себя и мира, состояло в том, что высокие, самые лучшие, какие можно только представить, идеалы, которым учили в школе и которые прокламировались в советском обществе, находились в вопиющем противоречии с убогой, отвратительной действительностью. Выходило, что люди представляют себе свою жизнь превратно. Не понимают ее. И он поставил перед собой задачу составить адекватное, научное представление об обществе. Но как это сделать и что значит мыслить правильно, научно?

Так определился его интерес к логике. Логика его привлекала не сама по себе, не как общий канон мысли. Он видел в ней средство познания и стремился преобразовать таким образом, чтобы ее можно было применять в эмпирических исследованиях. Он исходил из убеждения, что не существует проблем, которые были бы неразрешимы в силу несовершенства логического аппарата. Только аппарат этот, видимо, должен быть каждый раз конкретным. Так родилась его логическая физика. Но целью Зиновьева было понимание общества. И свои занятия логикой он довел до создания логической социологии. Словом, логика была для него орудием понимания. Так действует любой мастер, да та же домохозяйка точит нож, прежде чем резать что-то и для того, чтобы сделать это аккуратно.

Получив мировую известность в качестве логика и во всеоружии логических знаний, Зиновьев приступил к изучению общества. Он дал научный анализ коммунизма, понимая под ним общество советского типа, а впоследствии и социальной реальности совре-

менного Запада, назвав ее западнизмом. Для этого он разработал собственную систему общесоциологических категорий.

В рамках «круглого стола» нельзя охватить социологию Зиновьева, которая представляет собой нечто совершенно оригинальное, да к тому же еще по-настоящему не осмысленное. Ограничусь только двумя замечаниями. Она базируется на категориальном аппарате («человек», «предобщество—общество—сверхобщество», «деловая сфера», «коммунальная сфера», «социальный субъект» и т. д.), специально разработанном для изучения современных социумов. В ней законы социальности интерпретируются как законы экзистенциального эгоизма, а социальная организация — как объективный процесс, который по степени своей объективированной упорядоченности ничем не отличается от природных процессов. И если утверждение, согласно которому сознательная деятельность людей есть выражение и продолжение объективной необходимости, имеет какое-то реальное эмпирическое содержание, то оно раскрыто в социологии Зиновьева. В ней делается вывод, что история на современном этапе стала управляемой: это не значит, будто люди могут взять под контроль общественные условия своего существования, напротив, это означает, что от них уже мало что зависит и они полностью стали марионетками. У Зиновьева есть замечательное сравнение о том, как развернуть колонну из нескольких человек и как развернуть целую армию. Чтобы развернуть армию, нужна самостоятельная штабная работа, специально разработанный детальный план, как это сделать, — словом, это управляемый процесс в отличие от движения малой колонны, которое протекает стихийно. Но при этом степень свободы в случае армии неизмеримо меньше. Объективность истории в форме управляемого процесса — какая великолепная идея! Это вам не публицистические утверждения о конце истории, а глубокое обобщение особенностей современного этапа развитая общества. Раньше социальные мыслители полагали, что объективный мир заключает в себе некий благой смысл, который понимался одними как провидение, другими как мировой разум, третьими — как закономерное развитие и т. д. Считалось, например, что какими бы деструктивными ни были сознательные действия отдельных людей и их объединений, они не могут поколебать железную поступь истории, что многообразные частные пороки суммируются в итоге в общее благо. Социология Зиновьева предлагает совершенно иное видение предмета.

Зиновьев выработал свое понимание человека и человеческого мира. Однако понимание не было его самоцелью. Идеал созерца-

тельного блаженства Зиновьеву совершенно чужд, он был натурой деятельной, порой казалось, что он — сплошной сгусток энергии. Понимать, чтобы жить с пониманием, — такова была его установка. Этим в немаловажной степени объясняется то, что свои социологические и философские взгляды Зиновьев излагал в литературной форме, соединил категориальный анализ человека и общества с их наглядным индивидуализированным изображением.

Все усилия Зиновьева были нацелены на то, чтобы включить понимание в собственную жизнедеятельность в качестве ее существенного фактора. Отсюда — его знаменитая дерзкая формула: я есть суверенное государство. Подобно тому, как государство является государством в той мере, в какой оно способно обеспечить свой суверенитет, так и человек, по Зиновьеву, является человеком в той мере, в какой он способен к понимающе-ответственному поведению. Здесь мы подходим к завершающей, итоговой части зиновьевского универсума — к его этике, обозначенной им как учение о житии, или Зиновьиога.

Жить с пониманием означало для Зиновьева прежде всего свидетельствовать истину в том виде, в каком он ее постиг. Никогда не говорить то, чего ты не думаешь, и никогда не бояться сказать то, что думаешь, т. е. жить, оставаясь в русле своего собственного понимания. Это очень нелегко, это бесконечно трудно — подчинить все прочие мотивы, все прочие соблазны, многочисленные и сладостные, одному мотиву, одной страсти — верности истине. Зиновьев умел это делать. Он умел противостоять идеологическому прессу, общественному давлению, умел сказать «нет», когда все говорили «да». Многие даже подозревали, будто он находил удовольствие в том, чтобы высказаться иначе, чем все, что он был принципиальным вопрекистом. Я так не думаю. Вспоминается такой эпизод. После долгой вынужденной эмиграции А. А. Зиновьев впервые появился в Институте где-то на рубеже 90-х годов и выступал в битком набитом Красном зале. Среди прочего его спросили, как он относится к А. И. Солженицыну и А. Д. Сахарову. Он отреагировал на вопрос крайне раздраженно и сказал примерно следующее: «Зачем вы меня спрашиваете об этом? Нельзя мне задавать такие вопросы. Вы же знаете: я говорю, что думаю. Деланные они фигуры! За ними стоит ЦРУ». Очень показательный эпизод. Зиновьеву вряд ли нравилось эпатировать публику, вообще говорить то, что может не понравиться ей. Он мог и умел слушать, мог просидеть молча, даже если он не согласен с речами окружающих. Но он не допускал ситуаций, чтобы отмолчаться, руководствуясь какими-либо соображениями практического благоразумия.

И если ему приходилось говорить, то он не отклонялся от фактов и истины в своем понимании. Не имело значения, один человек перед ним или большая аудитория, находится он в дружеском кругу или в официальной обстановке, говорит ли со взрослым человеком или с ребенком. Подсистема его личности, связанная с пониманием, работала автономно и имела абсолютный приоритет.

Жизнеучение Зиновьева не исчерпывается, конечно, верностью истине. Оно было очень конкретным, содержало массу правил, самых разнообразных, включая, например, и то, как сидеть на стуле. Он даже говорил, что его жизнь является экспериментом, который он ставит над самим собой. Что он никому не стал бы советовать повторить такой эксперимент. Да это, полагал он, и невозможно. Невозможно не потому, что он лучше других, а просто потому, что он — это он. Другой человек должен практиковать другой эксперимент, выработать собственную жизненную программу. Урок Зиновьева состоит в том, что время общих нравственных программ, категорических императивов прошло, если оно вообще когда-либо существовало. Нравственные программы должны стать единственными, как единственна каждая человеческая личность. В этике надо двигаться не от общего к единичному, а от единичного (единственного) к общему.

Жена Зиновьева Ольга Мироновна, на руках которой он умирал, умирал в полном сознании всего происходящего, рассказывает. Она спросила его в последние мгновения, нет ли чего-нибудь, что он хотел бы ей еще сказать. Зиновьев (с ее слов) ответил: «Все, что я хотел, я сказал в своих книгах». Разве может быть большее доказательство того, что книги Зиновьева и его жизнь суть одно и то же?!

В. И. Толстых (*доктор философских наук*). **Драма признания и востребованности.** Если верно, что философия множественна, многолика и личностна по природе предлагаемого ею знания, то в развитии русской философии советского периода Александр Зиновьев, бесспорно, занимает особое место и положение. Он ни на кого не похож, его ни с кем не спутаешь, и созданная им система, как хорошо показал А. А. Гусейнов, достойна самого пристального внимания и изучения. Между тем именно этого и такого (!) внимания — понимания он пока не получил, что лично мне кажется странным и абсолютно несправедливым. На драме признания и востребованности творчества Александра Александровича Зиновьева я и хочу остановиться.

Речь не о внешних признаках востребованности и признания, на мой взгляд, вполне достаточных, чтобы довольными были и общественность, и сам Зиновьев. Книги его, пусть и с некоторым опоз-

данием, на родине выходили и выходят беспрепятственно, хорошими тиражами (для нынешнего времени) и пользуются успехом, спросом у читателей. Вот и сейчас одна за другой вышли сразу две монографии: «Фактор понимания», итожащая основные идеи и философскую позицию автора, и книга-завещание «Иди на Голгофу» вместе с социологическим романом «Гомо советикус», где излагается его «учение о Житии». Нет недостатка и в словесных признаниях, которые он получил и познал еще при жизни. Удостоившись таких высоких эпитетов и оценок, как «выдающийся русский мыслитель XX века», «гений социальной мысли», «Мозарт социологии». Да он и сам знал, что собой представляет и заслуживает. Что, кстати, делает человека, по моему разумению, не сильнее, а слабее. Отвлекает от дела, мешает сосредоточиться, тешит самолюбие и возбуждает гордыню. Я вспоминаю другого дорогого мне человека — поэта Григория Поженяна, который часто говорил, что ему «все недодали — и власть, и общество, и друзья, в том числе ты — Валентин». Тогда-то я и сочинил свою самодеятельную формулу — «люблю гениев, которые не знают, что они гении».

Кто такой Зиновьев и что он собой представляет по натуре, характеру и своим творениям, сегодня знают многие. А кто-то сам догадается, прочитав даже одну-две книги. На признание власти надеяться и рассчитывать нельзя: не любила его советская власть, не более «любезна» и антисоветская. И это понятно: какой власти понравится человек, громогласно объявляющий себя «отдельным и самодостаточным государством». Особенно нынешней, которая пока еще только пытается внушить себе и другим, что она «суверенная». Да и сам Зиновьев не из тех, кто согласится на выделенный ему кем-то «свой шесток». Я был его другом почти во все времена, голосовал за исключение его из партии, пользовался его доверием и любовью десятки лет. Поэтому знаю, что говорю.

Скажем, я давно заметил странное отношение к феномену Зиновьева нашей мыслящей и пишущей братии, так называемой интеллектуальной элиты. Явно им в чем-то недовольной и раздраженной, но не проговаривающей своих претензий. Еще с той поры, когда она узнала, прочитала «Зияющие высоты», где ей, элите, попало «по первое число». Зиновьева она явно побаивается, вступать с ним в прямой диалог не решается, что и побудило меня в начале 90-х годов выступить с большой статьей в «Независимой газете» под явно провокативным заглавием «Вы что, боитесь Зиновьева?» Это было буквально накануне 70-летия философа и писателя, и я позволил себе высказаться откровенно с первых же строк: «Когда Зиновьева

вместе с семьей изгоняли из страны, никто, насколько помнится, не протестовал, не возмущался и не требовал от властей прекратить преследование этого честного ученого и мужественного человека... Времена изменились, но, видимо, не настолько, чтобы с уважением и вниманием отнестись к любой серьезной, но противостоящей господствующему умонастроению точке зрения...».

Статья была написана в тот самый момент, когда началась ельцинско-гайдаровская терапия по «обновлению» и «возрождению» России. Думаете, кто-нибудь откликнулся — поддержал или, наоборот, возмутился самой постановкой вопроса? Ни ответа ни привета. И так до сих пор. Наша самая-самая честная, смелая, гражданственная интеллектуальная элита прошла мимо, как бы не заметив и феномена превращения перестройки в «катастрофу», и мимо знаменитой — попавшей в десятку! — зиновьевской формулы «целили в коммунизм, попали в Россию», и многого другого, что он уже тогда написал о постсоветской России.

Попробую объяснить, почему я тогда пытался инициировать диалог Зиновьева с инако — чем он — мыслящими. Желание и стремление возникли чисто ситуативно, во время встречи с ним в Мюнхене и смуты-растерянности в России, бросившейся в омут скороспелых и явно непродуманных, авантюристических решений и действий. Присутствие Зиновьева могло бы оказать оздоравливающее воздействие. Наивность моих желаний и ожиданий обнаружилась достаточно скоро. Восторжествовал угарный энтузиазм новоявленных большевиков — неолибералов, взявших на вооружение принцип «до основанья, а затем». Они, видимо, решили: пусть Зиновьев продолжает упражняться в разъяснении коммуналности «реального социализма» и индивидуализма «западнизма», а они продолжат начатое ими дело возврата России из ада «ужасного социализма» в лоно «светлого капитализма». Была и моральная причина моей инициативы. Чувствуя свою вину за молчание, когда Зиновьева с семьей изгоняли из страны, очень хотел, чтобы Зиновьев вернулся на родину. Хотел этого, конечно, прежде всего он сам, потому что Россия для него никогда не была «этой страной», и его не надо путать с теми нашими интеллектуалами, которые не стесняются и сегодня заявлять, что с удовольствием покинули бы страну, если бы смогли. Зиновьева, истинно «русскую душу», никакой Запад с его благополучием сделать счастливым не смог бы. О чем он говорил и писал неоднократно и без интеллектуальных выкрутас.

В Россию Зиновьев вернулся, а диалога так и не получилось. И отнюдь не по вине Зиновьева, с которым (жаловались!) дейст-

вительно трудно спорить и в чем-либо убеждать. Но вполне возможно, в чем я убедился и в практике личного общения, не всегда с ним соглашаясь, и на публике. Я организовал несколько заседаний клуба «Свободное слово». Первое, без его присутствия (1991) — на тему «Советское общество и советский человек. Точка зрения Александра Зиновьева». Кстати, именно на этом обсуждении и возникла своего рода «загадка Зиновьева», странное и во многом парадоксальное восприятие самого этого феномена, побудившее меня написать вышеназванную статью в «Независимую газету». Второе — в 1993-м, уже с участием Александра Александровича, весьма бурное, с жесткими вопросами и не менее жесткими и откровенными ответами. Пожалуй, это было первое (увы, и последнее) прямое столкновение Зиновьева с его оппонентами, а то и просто недоброжелателями. Мои симпатии, как и большинства членов клуба, были на стороне Александра Александровича. Но суть дела не в симпатиях, а в позициях и взглядах, где Зиновьев выглядел гораздо сильнее и убедительнее.

Невнимание, а по сути замалчивание зиновьевских размышлений, суждений и выводов объясняют чем угодно, но не содержанием и смыслом заявленных позиций и оценок событий.

Скажем, абсолютным неприятием его точки зрения, но без изложения и уточнения того, в чем именно он не прав и почему он так резко отзывается о порыве и усилиях России «капитализироваться». Объяснить, отчего это на смену квазисоциализму пришел квазикапитализм и «какой Сталин вместе с Берией» виноват в нынешних зловключениях России.

Кто-то ссылается на обыкновенную зависть. Везет же человеку: «Советы» не пускали его за границу, а потом туда же его и «выгнали», а он возьми и напиши там 25 книжек, да каких — про мир и общество, в котором мы живем, и куда мы сейчас движемся, и что нас там ожидает. Прошло всего четыре года после запуска «политики реформ», а он уже в 1996 г. выпускает на родине книгу под названием «Посткоммунистическая Россия». Назовите альтернативную ей в нынешнем 2007 г., с объяснением благ и счастья, обрушившихся на многострадальную Россию. Не назовете! То-то же! И хотя, безусловно, есть чему позавидовать — не в зависти суть дела и интересующей нас проблемы.

Думаю и уверен в том, что истинная причина таится в самочувствии, интеллектуальном и гражданском банкротстве нашего интеллектуального сообщества. Оно, прямо скажем, плачевное и препоганое, несмотря на все внешние успехи и достижения. Не буду голословным, покажу на конкретных примерах.

Первый. В 1983 г. Андропов признался и сказал, что мы не знаем общества, в котором живем. В то время как за три года до этого, в 1980 г., в Швейцарии вышла книга Зиновьева «Коммунизм как реальность», переведенная сразу на несколько языков и получившая престижную премию Алексиса де Токвиля. Шеф КГБ и потом генсек партии, конечно, знал о появлении такой книги, тем более что участвовал в принятии решения о высылке философа, написавшего «об обществе, в котором мы живем» еще раньше — в «Зияющих высотах» и «Светлом будущем». Но это Андропов, политик и силовик, а что может сказать по этому поводу наша интеллектуальная элита, пусть даже годы спустя, когда «Коммунизм как реальность» появился в России (1994)? А никто и ничего — по сей день. Зато охотно читали и комментировали, что по этому поводу сказали и написали Ципко и Новодворская.

В этой, как и в через год написанной книге «Кризис коммунизма», Зиновьев подробно описал реальное коммунистическое общество с законами его жизнеустройства, человеческими отношениями и ценностями, нормами общежития и психологией граждан. Разумеется, в первую очередь хорошо знакомый и изученный им советский коммунизм, который он нисколько не приглаживает и не апологетирует. Симптоматично, что уже тогда он спрогнозирует конечную станцию перехода от коммунизма к новому жизнеустройству, обозначив ее предельно кратко и выразительно — колониальная демократия, а всю посткоммунистическую эпоху назовет эпохой постдемократии. Сейчас, когда в голос заговорили о так называемой суверенной демократии, смысл и содержание которой неизвестны даже авторам данного термина, пронизательность Александра Александровича выглядит просто даром провидения.

Второй. Зиновьев написал книгу «Западнизм» — о Западе, куда мы устремились, я бы сказал, сломя голову ринулись, чтобы нагнать отставание и приобщиться к прогрессу, который у нас теперь ассоциируется со всем «западным». Описал его так же, по-зиновьевски, жестко и хлестко.

Нашим либералам это, естественно, не понравилось. «Нормально, Константин!» — сказал бы сатирик. Так вступите с ним, т. е. с Зиновьевым, в полемику, покажите ему, прожившему на этом Западе целое «очко годов», а одновременно — и читателям, как он не прав в своих «измышлениях», что он ничегошеньки на этом самом Западе не узрел и не понял, и т. д. и т. п.

Нелицеприятная, но объективная оценка Запада, его достижений и ценностей, безусловно, заденет за живое любого «западника»-американиста или европоцентриста. А его описание советско-

го общества и цивилизации как более органичного и человеческого варианта «конца истории», полагал я, возмутит, приведет в неистовство любого антисоветчика. Зиновьева, давно и резко критикующего массовое низкопоклонство сограждан перед Западом, такой реакцией на его неприятие «лучшего из миров», конечно, не смутишь и не проймешь. Но она была бы понятной, и общественности было бы интересно услышать нечто членораздельное.

Не тут-то было. Опять никто не шелохнулся, не возразил и не возмутился. Тут уже же не зависть и не раздражение, а нечто иное выступило на первый план, в чем и признаться неловко. Зиновьевская критика-аналитика была слишком прицельно и плотно связана с реальностью, а с нею не очень поспоришь. Она, как говорится, налицо, вот такая, какая есть, и ничего здесь не убавишь и не прибавишь. Потому что «катастрофка» продолжается, меняя лишь облик, но не содержание, и современное западное общество, взятое за образец и ориентир для подражания, являет собой, буквально по Зиновьеву, не что иное, как общество «денежного тоталитаризма», со своей сверхэкономикой, всевластием олигархий и бюрократии, манипулирующих потребностями и инстинктами людей с помощью идеологии и массовой культуры. Это видят, знают и сознают многие трезво мыслящие западные аналитики и деятели культуры, но упрямо не замечают и игнорируют наши интеллектуалы-неолибералы. Тем хуже для них, точнее, для нас, втянутых в этот явно непродуманный социальный эксперимент.

Третий. Не знаю, как других читателей, а лично меня потрясла мысль-вывод, которой заканчивается его посмертная книга «Фактор понимания»: «Если в двух словах подвести итог эволюции человечества за прошедшую историю, он уложится в одну-единственную фразу: человечество как целое утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания... Наиболее вероятный конец человечества — воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости». По-своему и своими словами к этому заключению подошел и я, пытаюсь разобраться в проблеме, обозначенной мною как «парадокс человека». Мне понятны тревога и сомнение Зиновьева, фиксирующего интеллектуальную и познавательную катастрофу современного человечества, явно не осознающего нависающей угрозы самоуничтожения. На это указывают и спорадические обращения и призывы отдельных интеллектуалов к человечеству задуматься и одуматься, понять и объединиться вокруг идеи собственного спасения и сбережения.

Для Зиновьева это одна из ключевых философских и социальных проблем человечества. Он подробно ее рассматривает и в

контексте эволюции «глобального человекейника», и под углом зрения остро поставленной им проблемы управляемости мировыми процессами. К этому можно и нужно добавить проблему способности и готовности интеллектуальной элиты критично и объективно взвесить и оценить нравственный потенциал человека и человечества. На предмет выяснения того, возможна ли в принципе смена парадигмы их цивилизационного развития. Показав и доказав, насколько он искусен и конгениален в создании разного рода «чудес» техники и организации своего быта, человек обнаружил полное бессилие справиться и обуздать свой поистине ненасытный эгоизм. Ради своего индивидуального выживания и самосохранения он противопоставил себя миру, природе, другим людям, отчуждаясь от них, а тем самым и от себя, поскольку сам является частицей этого мира — природного и человеческого. Способен ли он, такой умный и талантливый, справиться с собой, с целым ворохом своих инстинктов и предрассудков, выработать новую парадигму или кардинально пересмотреть старую, нынешнюю? И об этом тоже можно поговорить и поспорить с Зиновьевым, вступив с ним в честный и серьезный диалог.

А. И. Фурсов (*кандидат исторических наук*). Прежде чем перейти к запланированному выступлению, хочу отреагировать на важный вопрос, который поднял В. И. Толстых, — о причине, точнее, причинах не востребованности Зиновьева, о заведомом, можно даже сказать, нарочитом, априорном неприятии его идей и работ значительной частью «научной интеллигенции».

Если оставить в стороне возможное эмоционально-личностное неприятие как причину частного порядка и говорить об общих («тотальных») причинах, то, на мой взгляд, главных причин — две. Одна из них — интеллектуальная, другая — социальная, связанная со спецификой среды, в которой работал Зиновьев.

Интеллектуальная причина заключается в следующем. Для того чтобы разбирать отдельные работы Зиновьева или отдельные аспекты его творчества, нужно хорошо понимать его систему в целом. Для того чтобы понять систему Зиновьева, надо погрузиться в его творчество в целом, реконструировать его («*чтобы понять вещь, надо ее сделать*» — Софокл), т. е. проделать значительную по объему и сложности интеллектуально-теоретическую работу, которая далеко не всем по силам.

Вторая причина сложнее. Когда мы говорим о персонификаторах интеллектуального труда, то автоматически заярлычиваем всех их как «интеллигенцию» («научную», «творческую» и т. п.). Думаю, это ошибка. За термином «интеллигенция» скрываются как

минимум два совершенно разных социальных и профессиональных типа. Первый — профессионалы интеллектуального, умственного труда, т. е. те, в чьей деятельности профессионально-специализированная функция, обусловленная задачей поиска истины и предметом исследования, доминирует над прочими. Второй — это собственно интеллигенция, т. е. такой сегмент работников интеллектуального труда, в деятельности которого статусный и потребленческо-символический аспекты доминируют над интеллектуально-профессиональными, содержательными. Речь идет, во-первых, о потреблении символов и образов, которое, кстати, тоже носит статусный характер, — в советском обществе это было, прежде всего, статусное потребление западных идей, образов, книг, кинофильмов и т. д.; во-вторых, о претензии на исключительную монополию на такое потребление и на интерпретацию «потребляемых» объектов. Все это, естественно, за счет и в ущерб профессии, делу, которое оказывается чем-то второстепенным.

«Средний массовый интеллигент в России (а тем более совинтеллигент и эрэфинтеллигент. — А. Ф.) большей частью не любит своего дела и не знает его. Он — плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист, непрактичный техник и проч. и проч. Его профессия представляет для него нечто случайное, побочное, не заслуживающее уважения. [...] Того, кто является выразителем самостоятельной мысли, окружает и теснит глухая злоба», — писал А. С. Изгоев в начале XX в. В конце XX в. Дм. Галковский зафиксировал: «Интеллигенты, сознавая свою второсортность, подсознательно завидовали людям, имеющим, по их мнению, серьезную профессию». Ну а сам Зиновьев просто отметил: одно из главных препятствий на пути научного познания — гигантская армия людей, формально занятых в науке, но относящихся к ней не как к поиску истины, а как к средству добывания жизненных благ и жизненного успеха (известность, степени, звания, награды), т. е. занимающихся не делом (профессия), а делишками по поводу и на фоне дела и сущностно являющихся вторичными.

Если интеллектуалы-профессионалы предпочитают работать либо в одиночку, либо в группе единомышленников, то интеллигенты (речь, подчеркиваю, идет о социальной характеристике, а не о личностно-человеческой) организованы в кланы; более размытая структура — салон (сегодня — тусовка, группирующаяся вокруг определенных изданий, чаще всего интеллигентско-богемного замеса).

Если профессионал, как правило, существует в качестве индивидуального социального индивида, не склонного к жизни в иерар-

хически организованном сообществе («Ты, царь: живи один»), то интеллигенция чаще всего выступает как коллективный социальный индивид разной степени сплоченности (от группировки до стада / стаи *à la* кипплинговские бандерлоги). Этот коллективный индивид имеет свои формы (кланы), иерархию, ритуалы, дисциплину, ценности, фобии, психо- и социопатологии, культурных героев и табу, авторитетов и «фюреров». В производственных ячейках противоречие профессионалы—интеллигенция, как правило, выступает в форме «личность—коллектив»: профессионалов стремятся давить от имени и по поручению коллектива. Или стремятся, если есть возможность, просто не допустить в коллектив, на то поле специализированной деятельности, где профессионал очень быстро может продемонстрировать «оппонентам», что их деятельность близка к тому, что Зиновьев называл «балетом безногих».

У интеллигентов и профессионалов в сфере интеллектуального труда разные цели, задачи и стратегии. Для профессионала главное — содержательная деятельность, профессиональный поиск истины (это в то же время есть социально-антропологическое и метафизическое качество данного типа). Для интеллигента как непрофессионального (или малопрофессионального) интеллектуала главное не субстанция, а функция, внешние атрибуты, статусные отношения, реализация которых варьируется от чиновничьей карьеры, коллекционирования должностей и званий (у профессионалов это, как правило, редкий, побочный или просто случайный продукт профессиональной деятельности, но это — исключение, которое подтверждает правило) до безопасной фронды по отношению к системе; этим часто пользуются не способные ни к профессиональной, ни к чиновной карьере полные бездари, которые таким образом обретают статус и известность. В крайних случаях место фронды может занять активная критика системы (особенно если критики чувствуют поддержку Запада, а сама критика хорошо «спонсируется»). Это путь, пройденный многими диссидентами; среди последних помимо людей психически неадекватных (см. об этом у В. Войновича в «Портрете на фоне мифа». М.: Эксмо-пресс, 2002. С. 143—144) было много таких, для кого диссида стала средством компенсации профессиональной несостоятельности, а то и личностной ущербности. Кто из них есть кто и кто был кем, со всей очевидностью выявилось после крушения коммунизма, в 1990-е годы.

Попробуйте оторвать профессионала от письменного стола или лаборатории посулами должности или публичности. Интеллигент же в отличие от профессионала легко смывается из «сво-

ей» сферы оргдеятельности в политику, во фронду, в революцию, в административную систему, т. е. подальше от содержательных форм и структур деятельности и поближе к власти, статусу и потреблению (в студенческие годы этот тип узнаваем в комсомольских активистах, «полупрофессионалах» самодеятельности, КВН и прочих форм дрыгоножества). И — объективно — чем больше таких персонификаторов умственного труда покидает эту сферу, тем лучше. Особенно много непрофессионалов покинуло сферу интеллектуального труда в период перестройки; все они ушли в «оральную политику», составлявшую важнейший аспект горбачевщины — в реальную политику и уж тем более во власть их заредчайшими исключениями не пустили.

Поскольку профессиональные интеллектуалы и интеллектуалы статусно-потребленческие (т. е. интеллигенты, они же — непрофессиональные интеллектуалы, интеллектуалы без «полезной специальности») работают на одной площадке и являются двумя совершенно различными социальными типами, между ними объективно существует серьезное, по сути антагонистическое социо-антропологическое и метафизическое противоречие. Это не значит, что нет противоречий в среде самих профессионалов, с одной стороны, и в кланах и салонах интеллигенции, с другой, — есть, и еще какие. Достаточно вспомнить 1930-е годы, когда интеллигенты писали друг на друга доносы и сажали в тюрьму, а потом все свалили на систему и ее главного злодея. И тем не менее эти противоречия не являются сущностно-антагонистическими, да и писали представители интеллигенции главным образом на профессионалов.

Необходимо также отметить надуманность и фальшь противоречия «чиновники (бюрократия)—интеллигенция», под которым подразумевается противостояние некомпетентной, коррумпированной и лишенной души и идеалов бюрократии и чистой и самоотверженной интеллигенции. На самом деле противоречие есть между профессионалом как персонификатором содержательных форм деятельности и чиновником, отчужденным (как и полупрофессионал-интеллигент) от содержательных форм деятельности и способным лишь имитировать их.

Между большей частью чиновничества и большей частью интеллигенции противоречия минимальны и носят главным образом внешний, «символическо-договорной» характер, демонстрация которого выгодна обеим группам. Более того, значительная часть чиновничества и интеллигенции составляет единый социальный кластер (в него входит также часть богемы, а в современных усло-

виях — еще и работников СМИ). Общий знаменатель для составляющих частей кластера — содержательная имитативность (или имитативная содержательность) деятельности, ее статусно-символический и потребленческий характер. Между «содержательным» чиновником, т. е. профессионалом бюрократического труда, и профессионалом-интеллектуалом серьезных противоречий быть не может. А вот между профессионалами и интеллигенцией они есть и носят антагонистический характер.

Первые объективно мешают жить второй, создают у нее чувство неполноценности, бессодержательности. Самим фактом своего существования, не говоря уже о содержательных профессиональных достижениях, профессиональные интеллектуалы девальвируют образ и смысл жизни интеллигенции, а самое главное — ее смысловую и клановую иерархию, систему ценностей, статусно-символические достижения, бросая ей, подобно Алисе из знаменитой сказки, фразу *«Вы всего лишь колода карт»*. Ясно, что профессионал — это всегда нечто неприятное для непрофессионала. «Принимая решение пробиваться за счет науки, — писал А. А. Зиновьев, — я не думал о том, что тем самым я вынуждаюсь на конфликт с самым сильным, самым неуязвимым, самым замаскированным под благородство и самым беспощадным для меня врагом — с моей профессиональной средой». Здесь необходимо одно уточнение: профессиональной в описательно-назывательном, формальном смысле; по сути же речь идет о конфликте профессионалов и интеллигенции в сфере-среде интеллектуального труда.

Сказанное выше не имеет своей целью принизить интеллигенцию и возвысить профессионалов, нарисовав черной краской одних и белой — других, доказать, что одни — плохие, а другие — хорошие. Речь совершенно о другом — о фиксации принципиально различных типов умственного труда. Это тем более необходимо, что представители интеллигенции более или менее понимают или, как минимум, чувствуют свою социальную природу и верно идентифицируют себя и себе подобных (*«ты и я — мы одной крови»*) — при этом нередко значительную узнавательную роль играют общие мифы и особенно фобии и социопатологии). А вот профессионалы интеллектуального труда часто воспринимают себя как представителей интеллигенции, ошибочно идентифицируют себя с ней и в связи с этим не понимают, почему не находят общего языка с представителями (как им кажется) их же среды, природу своих конфликтов или, как минимум, противоречий с ней и в ней. Как говорится, «кто не слеп, тот видит», и одна из главных задач профессионалов интеллектуальной сферы — осознание и (или) выработ-

ка своей собственной идентичности, а не растворение в социально чуждом кластере «чиновник — интеллигент — богемщик».

Как показывает практика, при столкновении двух типов носителей интеллектуального труда главное стремление непрофессионала — «унасекомить» (одно из любимых словечек А. А. Зиновьева) профессионального интеллектуала и как профессионала, и как носителя целостных и содержательных, т. е. неимитативных сторон жизни (т. е. как принципиально иное социоантропологическое существо). Ну а когда унасекомить нельзя, то можно игнорировать, делать вид, что нечто не существует или не является серьезным.

Для меня реакция на Зиновьева — бесспорного профессионала интеллектуального труда с предельно выраженной индивидуальной социальной стратегией («я — *суверенное государство в одном лице*»), выработанной в противостоянии не только и даже не столько советской системе, сколько своей социопрофессиональной среде, уже давно стала одной из лакмусовых бумажек, одним из тестов на выяснение социальной типологии внутри сферы интеллектуального труда. Речь не о том, чтобы хвалить или ругать Зиновьева, соглашаться или не соглашаться с ним (я, например, при исключительно высокой оценке творчества Зиновьева в большей степени не согласен с ним, чем согласен). Речь о другом — о готовности к восприятию, к содержательному освоению, к диалогу, к пусть критическому, но серьезному анализу. За этой готовностью (или неготовностью) как раз и просматривается серьезнейшее видовое (социально-антропологическое) противоречие в сфере интеллектуального труда, о котором я говорил выше.

Зиновьев — это очень многомерное явление. Одно из измерений заключается в следующем: Зиновьев — наглядное свидетельство того, как социальная система, в данном случае — коммунистическая, может быть не тождественна самой себе. В известном смысле Зиновьев — это мера нетождественности коммунистической системы самой себе, и опыт жизни Зиновьева, жизни бытия Зиновьева показывает, что в любой системе субъект не может быть сведен к системным характеристикам.

И. М. Ильинский (*доктор философских наук*). Для меня большая честь в качестве президента Русского интеллектуального клуба продолжать дело, которое мы придумывали вместе с Никитой Николаевичем Моисеевым и Александром Александровичем Зиновьевым.

На одном из стендов в первом корпусе нашего университета есть фотография, на которой мы идем по аллее втроем. Это

было как раз в тот день, когда я предложил Никите Николаевичу и Александру Александровичу встретиться у меня в кабинете и обсудить вопросы о создании Русского интеллектуального клуба. Оказалось, что Моисеев и Зиновьев давно знали друг друга, но не виделись более 30 лет. Они обрадовались встрече, долго обменивались воспоминаниями. Тогда и была решена судьба Русского интеллектуального клуба.

После смерти Александра Александровича первый вопрос, который обсуждался на заседании клуба, был назван так: «Александр Зиновьев: судьба и образ гения». Выступили все члены клуба. Это были не просто поминальные речи, но речи, в которых мы пытались осмыслить явление гения на примере конкретного человека. Эта тема имеет огромное значение — и научное, и практическое. Зиновьев часто говорил: «Мы должны переумнить Запад». Действительно, мы сегодня не можем пересилить Запад ни финансово, ни экономически, ни политически, ни с точки зрения военных вооружений. В этом плане сегодня Запад намного сильнее России. И если мы хотим, чтобы Россия встала с колен, то единственный вариант — это переумнить Запад, а значит, быстрее накапливать творческий, интеллектуальный потенциал, которым она всегда славилась.

Остается вопрос понимания гениальности: что это такое — Божий дар? Наследственность? Аномалия? Что такое гений, откуда он берется, по каким законам рождается, как отыскивается, как воспитывается? Что такое гений в семье, пока он мал? Что такое гений в семье, когда он уже взрослый? Из каких социальных слоев выходят гении? Должен ли гений быть обязательно высокообразованным или это совсем не так? Что должно сделать общество сегодня, что мы должны сделать сегодня для того, чтобы в России рождалось как можно больше гениев, чтобы они получали лучшие, чем ныне, условия для своего развития, для реализации идей, с помощью которых мы должны «переумнить Запад» и выиграть в той схватке, которая предложена России и которая идет вовсю прямо сейчас, в те минуты, когда мы ведем с вами этот разговор?

Мне кажется, что разговор об Александре Александровиче в этом смысле очень показательный. Рассуждая о нем, мы можем многое открыть и понять.

Но для начала — немножко истории.

Судьба распорядилась так, что шесть последних лет жизни А. А. Зиновьева были связаны с нашим вузом.

Я впервые встретился с Зиновьевым летом 1999 г. в Кишиневе на Международной конференции ЮНЕСКО. Мы заговорили

о чем-то, уже не помню, и проговорили все три дня, расставаясь только на ночь. Тогда он рассказал мне о том, что хочет вернуться в Россию, что есть люди, которые ему помогают, в частности Ю. М. Лужков подписал письмо о выделении квартиры, но чиновники предлагали жилье в «хрущевках», хотя при высылке из СССР Зиновьев оставил квартиру на Воробьевых горах. Я пообещал ему помочь, используя свои связи. И помог. Буквально через несколько дней, когда Александр Александрович вместе с Ольгой Мироновой оказался в Москве, им предложили четырехкомнатную квартиру в Северном Чертанове, и они согласился на этот вариант. Потом оказалось, что квартиру надо покупать и стоит это 56 тыс. долл. Александр Александрович позвонил в растерянности мне из Мюнхена: «У меня нет таких денег. Что делать?» Я встретился с Г. А. Зюгановым, он позвонил В. П. Шанцеву, тот поговорил с Ю. М. Лужковым, и цену снизили до 26 тыс. долл. Квартирный вопрос был решен.

В одном из телефонных разговоров я спросил Зиновьева: «А где Вы собираетесь работать?» Он ответил: «В. А. Садовничий предложил мне должность профессора МГУ». Я спросил: «А Вы знаете, сколько получает в России профессор?» Он сказал «Нет». «Две тысячи», — сообщил я. «Ну, так это вполне прилично», — сказал Зиновьев «Да, но две тысячи чего?» — спросил я. «Долларов, конечно», — сказал он. «Нет, рублей...» Зиновьев помрачнел: «А как же жить-то?..»

Я сказал ему, что пусть он подрабатывает в родном университете, где учился, где заведовал кафедрой логики, но его основным местом работы будет наш вуз. Мы создадим Исследовательский центр А. А. Зиновьева и будем платить 600 долл. в месяц. В 1999 г. это были очень неплохие деньги. Зиновьев согласился. 30 июля мы оформили ему трудовую книжку, поскольку таковой у него, разумеется, не было, и он был зачислен в штат вуза. Для центра было выделено специальное помещение с комнатой отдыха.

Именно в нашем университете Александр Александрович подготовил и издал две свои книги — «Логическая социология» (2002) и «Логический интеллект» (2004).

Однажды мы с ним крепко выпили, и у нас состоялся очень долгий и предельно откровенный разговор, как говорится, «за жизнь», в котором он с горечью сказал о том, что у него нет учеников в буквальном смысле этого слова. Тогда я предложил ему создать еще и Школу А. А. Зиновьева, а проще сказать, отбирать из тысяч обучающихся у нас ежегодно группу наиболее способных студентов, которым бы он читал систематизированный курс лекций, основанных

на его трудах. Он с радостью принял это предложение. За шесть лет Школу закончили около 300 человек — племя зиновьевцев. Каждый получил диплом с перечнем лекций, краткой биографией Зиновьева за его и моей подписью и университетской печатью.

После смерти Н. Н. Моисеева, возглавлявшего Русский интеллектуальный клуб нашего университета, президентом стал А. А. Зиновьев. Под его председательством состоялось 12 заседаний. Клуб обсудил десятки актуальнейших глобальных проблем развития России и мира. Опубликовано четыре книги, на выходе пятая.

Недавно один из корреспондентов, бравших у меня интервью, спросил, почему все это делалось для Зиновьева. Этот вопрос мне показался странным. Зиновьев — национальное достояние, мыслитель мирового масштаба. Он мог рассчитывать на встречу в России не менее громкую и приветливую, чем та встреча, которую устроили власти России и поклонники А. И. Солженицыну. Но этого не случилось: Ельцину и его «команде» Зиновьев был враждебен. Известно, почему. Я же считал, что помочь Зиновьеву — это дело чести любого, кто сознает величие и масштаб этой личности. Я делал, что мог. Александр Александрович не раз благодарил меня за помощь. В своей книге «Исповедь отщепенца» на стр. 553 он говорит об этом.

После того как Александр Александрович Зиновьев ушел от нас физически, начинается его жизнь после смерти. И мы должны с вами подумать о том, как сделать так, чтобы эта жизнь продолжалась. У А. С. Пушкина есть прекрасные слова «...душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит...» Надо сделать так, чтобы душа Александра Александровича в заветном слове пережила его прах.

На самом деле это будет не так просто. Да, конечно, кое-что будет развиваться само собой. Зиновьев и дальше будет завоевывать умы новых людей. Но нужны организационные усилия.

У гроба Александра Александровича Зиновьева неоднократно звучали слова: «Будем вечно помнить». Что это значит? Все мы бренны, а память — самый бранный памятник из всех на Земле. Память сохраняется в том случае, если это кому-то нужно, более того, в некоторых случаях — если это выгодно. А если это не нужно, если это невыгодно, то память уничтожается. Мы с вами являемся свидетелями этого на примере сегодняшней нашей России. То, что невыгодно существующим властям и определенным слоям общества, из памяти выкорчевывается вопреки всякой логике. Целые пласты истории исчезают, словно их и не было. Что уж говорить об отдельных личностях...

У Александра Александровича Зиновьева много трудов, мировая известность. Но я думаю, что есть люди, которые, как минимум, ничего не будут делать для того, чтобы память о нем жила и дальше, а тем более — укреплять ее. С официальными властями у него никаких особых теплых отношений никогда не было. Фигура Зиновьева в моем представлении более значительная, чем фигура того же Солженицына. Более фундаментальная, более многогранная.

На мой взгляд, Зиновьев — это *гений особого рода*. Редчайший гений. Почему? Да потому, что гениев можно тоже по-своему классифицировать и ранжировать, при всей, казалось бы, несурзности этой идеи. Гений-математик, гений-химик, гений-поэт, гений-живописец. Если взглянуть на гения поближе, в упор, повнимательнее, то мы увидим, что некоторые из них довольно *односторонние* люди. Часто их выдающиеся качества развиваются за счет умаления остальных свойств и качеств личности. Иные гении — математики, физики и т. д. — в общественном сознании выглядят очень некрасиво: порочен, жаден, злобен и т. п. В истории тому множество примеров.

Александр Александрович Зиновьев интересен, на мой взгляд, тем, что он представляет собой *синтетический интеллект*. Он мыслит синтетически, был личностью не односторонней, а многосторонней, многогранной. И каждая грань его интеллекта — вот что важно — была выдающейся.

Если говорить об *интеллекте* как о способности мыслить, о логическом интеллекте, он был величиной мирового масштаба еще до того, как написал «Зияющие высоты» и стал знаменит как писатель и социолог.

Есть интеллект вербальный, т. е. особое, выдающееся чувство слова, понимание слова, значения слова и т. д. Зиновьев и здесь велик, признан как писатель. Его сравнивают с Салтыковым-Щедриным, со Свифтом. Я не специалист в области литературы, не беру на себя смелость продолжать эти сравнения или говорить, что они правильны. Но то, что он всемирно известный писатель и великий мастер слова — это несомненно.

Есть интеллект визуальный. Мы все смотрим, но видим по-разному. Тем более когда речь идет о возможности изобразить, понять то, что мы видим. Александр Александрович — блестящий художник. Если бы он посвятил себя только живописи, то, мне кажется, стал бы великим живописцем. Вот уже три разных качества, которые он совмещал в себе.

Взять, наконец, физический интеллект Зиновьева. Он прожил 83 года. Но это 83 года не влечения своего бренного тела по жиз-

ни, а интенсивнейшей работы человеческого организма, по 12–14 часов в сутки, буквально до последних дней жизни. Буквально! Это тоже гениальность.

Когда вы соберете все эти и другие выдающиеся качества, каждое из которых могло бы разительно выделить человека из общей массы и сказать, что он высокоталантлив, то невероятно трудно представить себе всю мощь ума, интуиции, мощь эмоций, чувств, воображения, фантазии, умения использовать слово, зрительный ряд, соединенные в одной голове, в одной душе одного человека. Вот, мне кажется, чем интересен помимо всего прочего Александр Александрович Зиновьев: это не просто феномен, а *феномен из феноменов*, что выделяет его из всех прочих гениальных людей.

Нам надо, когда мы будем вести работу по распространению его идей и формированию образа Александра Александровича, делать упор на эту сторону, показывать и доказывать там, где это необходимо, конечно, его удивительную многогранность и мощь.

Очень важно, чтобы память наша была деятельной. Очень просто сказать: «Будем помнить вечно» — и жить как жили. А помнить делами, т. е. делать что-то в память этого человека — что куда труднее. Но это нужно обществу. Мы это с вами осознаем. Даже если это не осознают многие и не хотят осознавать, мы должны это делать. Для этого надо позаботиться о том, чтобы в местах, где он родился и жил, появились какие-то знаки памяти о Зиновьеве.

Я знаю, что уже при жизни Зиновьева писались диссертации о его творчестве. Ко мне приходили за консультациями. Уже вышли книги о творчестве Александра Александровича. Вот у меня в руках книга Давыдовой «Социология Зиновьева. Путь к пониманию современности». Есть и другие книги. Надо поощрять все это, собирать информацию. И делать все для того, чтобы такая работа продолжалась. Но у меня есть мысль и несколько иного рода.

Мне кажется, что, делая все для утверждения в общественном сознании образа Зиновьева как великого человека, великого гражданина, великого мыслителя, писателя, философа, социолога, мы, конечно, должны каким-то образом *демифологизировать этот образ*, поскольку еще при жизни он начал обрастать мифами. Например, когда он умер, в газетах были заголовки: «Умер последний романтик-коммунист». Идея, что Зиновьев — коммунист, сознательно развивалась. Говорилось даже, что он идеолог КПРФ. Об этом писали в газетах. Да, он выступал перед коммунистами, читал им лекции. Г. А. Зюганов говорил об этом при прощании в МГУ. Да, он был связан с ним. Но и я с Геннадием Андреевичем в хороших отношениях. Но я не член КПРФ, Зиновьев тоже не был

членом этой партии. При этом я не хочу бросить камень в сторону коммунистов и тем более затевать дискуссию на тему, что такое коммунизм. В той части, где КПРФ действительно борется за социальную справедливость, против массы безобразий, творящихся в обществе, Зиновьев (и я с ним) душою с ними. Как и каждый порядочный человек.

Мне кажется, что попытка густо покрасить Зиновьева только в красный цвет не способствует распространению объективного образа Александра Александровича. Потому что (и это не надо даже и доказывать) он всеми своими трудами сказал все, что думал о том реальном коммунизме, о пороках того реального строя, который существовал в СССР. Но он (и я с ним) видели и позитивную сторону советского строя. Да, Зиновьев оставался человеком, стремящимся к установлению социальной справедливости хотя бы относительного социального равенства и т. д. В этом смысле, я думаю, все здесь присутствующие, всякий порядочный человек, так мыслящий, вправе сказать: «Да, я коммунист».

Но о Зиновьеве можно сказать и то, что он — суперлиберал и супериндивидуалист. Ну кто может так сказать: «Я — государство, состоящее из одного человека»? Только человек, чувствующий себя абсолютно свободным, сознающий свою исключительность, индивидуальность. Кто демонстрировал абсолютную индивидуальную независимость от любого давления со стороны государства, будь то государство социалистическое или западное? Зиновьев. Он был абсолютно свободен, прежде всего в интеллектуальном плане. В этом смысле он был подлинным интеллигентом, то есть человеком, всегда находящимся в оппозиции к власти. И в этом смысле его можно назвать суперлибералом.

Могут ли в душе одного человека ужиться два таких антагонистических качества? Я думаю, да. Ответ на вопрос зависит от того, фанатик ты той или иной идеи или ты просто человек, который стремится найти истину, служить истине, которая часто все-таки (не всегда, но часто!) лежит посередине. В данном случае между коммунизмом и либерализмом.

Такова моя точка зрения. Так я понимаю Зиновьева. На мой взгляд, будет правильным, если мы покажем его как человека свободного, а в своей свободе мысли, в своей свободомыслии ориентированного на достижение справедливости и блага для многих людей. Надо особо подчеркнуть, что Зиновьев в отличие от многих гениев, которые гениальны в своей мысли, но часто порочны в своей жизни, был высокочестным, высоконравственным человеком.

Недавно мне в руки попала книга, в которой утверждается, что ни один великий художник или литератор не свободен от наследственной психиатрической отягченности. Даже у душевнобольных она составляет 70 процентов, а у великих — все 100. За все годы общения с Зиновьевым я не заметил ничего подобного. Общение с ним доставляло наслаждение: фонтан мыслей и афоризмов, юмора и смеха.

Если наша жизнь, хотя крайне медленно, но все же движется к вершинам добродетелей, то это происходит благодаря небольшому, совсем тонюсенькому духовному слою общества, который уравнивает порочность общества духовным подвигом немногих, иногда всего лишь единиц из миллионов, которых именуют подвижниками и героями. Зиновьев был подвижник.

Когда-то А. П. Чехов сказал: «Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих споры об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации... есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели».

То, что должны бы делать миллионы, совершают отдельные личности, Духу и Воле которых повинуются эти миллионы. Каждый из этих миллионов действует ради себя, несет бремя своих личных забот, стеная о тяготах земной жизни. Подвижник взваливает на себя все Думы и Тяготы мира. В эпоху темных и смутных времен появление подвижников необходимо. И они являются. Молнией своей энергии они освещают разум миллионов, дают им цель и веру.

Александр Невский, Дмитрий Донской, Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Козьма Минин и Дмитрий Пожарский явились на сцену русской истории тогда, когда Русь погибала, когда народ был слеп, глух и немощен, но бунтовал внутри. Нужны были люди, которые бы всем образом своей жизни показали, что в человеке живет могучая сила самоотвержения. Всем образом своей жизни Зиновьев демонстрировал, что только так и надо жить, только так и дается величие.

Итак, будем помнить и чтить гения, но будем помнить, что он был всего лишь человек. Иначе говоря: не сотворим себе кумира, идола. Александр Александрович Зиновьев был гениальный человек, но как человеку ему были свойственны и слабости, и недостатки. Иногда, например, он был, как мне кажется, излишне кате-

горичен и резок в суждениях, наивен в оценке некоторых сторон российской действительности. Даже в самых своих лучших устремлениях он мог делать что-то не так, что-то не вполне понимать. Нам не надо быть слепыми апологетами Зиновьева.

Чтобы это дело двигалось, нам надо понимать, что, как всякое дело, оно требует организации, плановости, определенной материальной базы, финансовой базы. Я говорил при прощании, что Исследовательский центр Зиновьева нашего университета будет переименован в Центр имени Александра Александровича Зиновьева. Такой Центр уже создан. Мы договорились о том, что возглавит этот Центр Ольга Мироновна Зиновьева, как самый близкий ему человек. Она была не просто супругой Александра Александровича, она была его соратницей при подготовке его трудов. Это несомненно. Александр Александрович Зиновьев часто лестно высказывался о ней как об организаторе. Он много раз говорил, что если бы не Ольга Мироновна, то многое в жизни он бы сделать просто не смог.

Поэтому мне кажется, что в данном случае интересы университета — интересы Ольги Мироновны. Мне кажется, что это оптимальный вариант организационного оформления тех сил, которые будут собираться, концентрироваться вокруг этого Центра и действовать в память Александра Александровича Зиновьева.

В. А. Луков (*доктор философских наук*). В продолжение того, о чем говорил А. И. Фурсов, хотел бы остановиться на зиновьевских идеях логической социологии, на их судьбе. Социологическая концепция А. А. Зиновьева — плод его многолетних размышлений, анализа социальной реальности, понимания человека в обществе.

Но окончательную форму она приобрела в последние шесть лет — в период работы в Московском гуманитарном университете, где Александр Александрович вел занятия в Школе Зиновьева. А надо сказать, такая особая образовательная программа была создана для студентов в вузе, где нет философского и социологического факультетов, — к этому обстоятельству я еще вернусь. Итак, по материалам читавшегося в МосГУ курса А. А. Зиновьев подготовил и опубликовал (в двух изданиях) свою «Логическую социологию», ее темы вошли и в «Фактор понимания».

За последние два десятилетия в нашей стране издано множество учебников и учебных пособий по социологии, более или менее соответствующих государственному образовательному стандарту высшего образования. «Логическая социология» совершенно этому стандарту не соответствует, не ориентируется на него — пос-

кольку ориентируется на смыслы и факты общественной практики людей. Означает ли это, что незинovieвские социологии более приемлемы для понимания общества и целей передачи научных знаний об обществе новым поколениям, чем зинovieвская, или наоборот? У Зинovieва есть важное положение в его концепции логического интеллекта, согласно которому элементарным познавательным действием исследователя является *выбор* предметов (Зинovieв А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 14), и его можно применить в данном случае: различие в выборе предметов исследователем означает возможность разных картин мира и человека в нем. По крайней мере нет повода говорить, что издаваемая сейчас грандиозная учебная эпопея — «Фундаментальная социология» в 15 томах фундаментальна, а «Логическая социология» Зинovieва нет. Особенность социологии Зинovieва состоит в том, что она как раз и есть фундаментальная, и не числом томов знаменует фундаментальность социологического знания. Я не оспариваю то, что на социологическом факультете МГУ, может быть, какой-нибудь студент и сможет с пользой для себя и для дела одолеть учебник, занимающий не одну книжную полку, и возможно, что это существенная часть профессиональной подготовки, но меня сейчас интересует другое. Социология включена в образовательные программы по многим специальностям, где непрофильность социологии делает ее Золушкой учебного процесса.

Будущий специалист по менеджменту, рекламе, туризму, пиар-технологиям, впрочем, и по более устоявшимся профессиям — юриспруденции, например, не может не видеть в дидактических единицах государственного образовательного стандарта по социологии источника напряжений: придется запоминать много — но ненадолго, до экзамена, поскольку для жизни это мало что дает. Задача и состоит в том, чтобы показать способность социологической теории и исследовательской практики прояснить для студента — будущего специалиста волнующие его вопросы общественной жизни в самом прямом, повседневном ее влиянии на жизнь индивидуальную, жизненные планы, ценностные ориентации, тезаурусы (как я называю полный состав знаний и установок, позволяющих человеку ориентироваться в повседневности). Вот где фундаментальность социологии Зинovieва выступает в своем подлинном виде. Она фундаментальна в том, что делает ясными проблемы нашего времени.

«Человекийн», «западнизм», «сверхобщество» — эти зинovieвские неологизмы, ставшие понятиями логической социологии, точно схватывают те явления, которые не поддаются ни структур-

но-функциональному анализу, ни символическому взаимодействию, ни теориям конфликта, ни психоаналитическим интерпретациям. Язык Зиновьева, на что уже обратил внимание академик А. А. Гусейнов, — четкий, афористичный, образный — как нельзя лучше подходит для усвоения структур мышления, интерпретационных схем, и это немаловажное обстоятельство, которое позволяет шире применять зиновьевские тексты в учебном процессе. Мы-то это знаем, у нас сам Зиновьев вел свою школу Зиновьева для наших студентов. Это были студенты, которые интересуются обществом, интересуются своим будущим, связанным с обществом, и школа была уникальной потому, что Зиновьева самым внимательным образом слушало новое поколение. Оно легче воспринимало его главные постулаты, допустим, чем профессора и преподаватели нашего же университета, впрочем, и любого другого. А специфика в том, что независимость и самостоятельность Зиновьева позволили ему идти в образовательной деятельности не по пути историко-социологическому, историко-философскому, а прямо от себя.

Историко-социологическая критика без труда найдет в логической социологии Зиновьева реминисценции с давними социологическими идеями и теориями. Думаю — не только найдет, но и осудит как устарелые, отвергнутые последующим развитием науки. Вот у Зиновьева возникает понятие «социальные атомы». Социальные атомы — уже давно в социологии произнесенные слова, и например, городская социология в интерпретации «чикагцев» Р. Парка, Э. Берджесса, Р. Д. Макензи в 1920-е годы строилась на социальном атомизме как одном из трех основных принципов. И это было отражением более ранних идей в европейской социологии. С падением ведущей роли в социологической теории чикагской школы потерял свое методологическое значение и социальной атомизм.

Далее. Мы видим у Зиновьева фактически организмическую теорию, когда общество рассматривается именно как организм. Это же возврат к Спенсеру, биоорганической школе — Шеффле, Вормсу и т. д., это XIX век! Уже у того же Вормса в работах начала XX в. говорится о надорганической природе общества, а Зиновьев столетие спустя утверждает: все социальные объекты суть явления телесные, биологические, живые. И объединения людей таковы. Но почему мы должны доверять критикам тех или иных идей и положений с позиций теорий, которые не раз показали свои слабости при интерпретации социальной реальности и прогнозировании социальных изменений, не доверяя теории, безошибочно обозначившей главные черты перелома XX и XXI вв.?

Между тем это и означает, что в действительности отказ от некогда популярных, а потом забытых точек зрения только потому, что они были высказаны слишком давно, неправомерен. Неверно уходить сегодня от тех идей, которые были внесены в общество не просто умными людьми, а свидетелями серьезных социальных потрясений. На переломе XIX и XX вв. в Европе имела место сложная ситуация, подобная нынешней: в ней были видны черты общества, которые в устойчивые, стабильные времена могут быть незаметны. Зиновьев нигде не ссылается ни на Спенсера, ни на кого-нибудь еще из органицистов. Я не думаю, что он специально выписывал идеи из раздела спенсеровых «Оснований социологии» — «Общество есть организм» — и вставлял их в свои работы. Это был бы не Зиновьев. Весь вопрос в том, что логическая социология позволяет прийти к сближению современных теорий общества с классическими и в то же время она более реальна, чем та социология, которая изучается по официальным государственным стандартам. Это особенно важно.

Зиновьев (а вслед за ним его сподвижники, А. И. Фурсов — среди них) в своих выступлениях на заседании Русского интеллектуального клуба, на конференциях и семинарах не раз говорил о том, что та социология, которая сейчас преподается, — это чисто американский вариант, это перевод нашего мышления в американские термины, и тогда мы свое общество начинаем понимать не таким, какое оно есть на самом деле, а таким, как его можно описать при помощи этой терминологии. И в итоге мы получаем нечто совершенно другое. Вот почему для преподавателей зиновьевская логическая социология сложнее, чем для студентов. Преподаватель прошел курс обучения, где ему заранее сказали: вот это безнадежно устарело, вот от этого уже давно отказались, здесь есть гораздо более перспективные концепции и т. д. И ему усвоить зиновьевское видение общества довольно трудно. А между тем, чем сильна логическая социология Зиновьева? Она вообще-то — социология о нашем обществе. Та социология, которая изучается в курсе «социология», — она как для любого общества. А значит — ни для какого.

Мне представляется это наблюдение существенным с точки зрения того, что одним из каналов реализации зиновьевской научной программы может стать воздействие на российские образовательные стандарты, если мы имеем в виду, что стандарты разрабатываются людьми и в этом процессе активно участвует Российская академия наук, участвуют вузы. В маленьком стандарте по социологии для специальностей, где социология не явля-

ется профессиональной дисциплиной, есть одно только имя. Имя Огюста Конта. Да еще в странном таком сочетании: «Социологический проект Конта». Между тем многие дидактические единицы стандарта можно было бы реализовать через логическую социологию Зиновьева. И обозначить его имя. Хотя бы в аналогичной формуле: «Социологический проект Зиновьева». Это тоже путь осознания вклада России в мировую социологию. Путь, который должен быть пройден с опорой на принципы социального проектирования (воспользуюсь снова словом «проект»). Иначе говоря, надо понять, что нам предстоит в этом случае создавать учебники и учебные пособия. Зиновьевская «Логическая социология» как учебное пособие точно может применяться, но как учебник она должна быть сопровождена всем тем, что требуется в методическом плане от учебников. Это — задача учеников и сподвижников: нужны эксперименты по переводу текстов Зиновьева в ту форму, которая может быть принята системой образования как соответствующая выдвигаемым ею требованиям. На мой взгляд, студенты, для которых социология дальше не будет основной специальностью, из социологии Зиновьева лучше поймут, что такое наше общество. А нам это и надо. Для специалиста, например, в области рекламы неважны особенности отдельных исследовательских техник, зато понимать общество, в котором он живет, — очень важно. Из современных курсов социологии, даже относительно хороших, узнать, что собой представляет наше общество, почти невозможно. Из книг Зиновьева — точно возможно.

М. А. Хромов (*журналист*). Александр Александрович Зиновьев — философ, мыслитель, гражданин, писатель, художник, поэт? Можно продолжить, но перечисление не дает понимания той притягательной силы, которая действует и на тех, кто лишь соприкоснулся с ним, и на тех, кто постоянно общался, спорил, изучал его творчество. В чем же секрет? Я не готов дать ответ. Творческое наследие изучается, воспоминания пишутся. Попробую передать, в чем состоит обаяние личности Александра Александровича для меня и, возможно, для кого-то еще.

Жизнь несколько раз, как бы шутя, проносила мою судьбу совсем близко.

В начале 50-х мой отец, блестяще закончив, с красным дипломом, физфак Саратовского университета, был направлен в аспирантуру МГУ. В Москве вместо физфака он подал документы на философский факультет МГУ, где в это время писал кандидатскую Александр Зиновьев. Однако советское начальство посчитало такую смену профессии «нецелесообразной».

На рубеже 70-х я, маленьким мальчиком, бегал по двору московского дома на углу ул. Вавилова и Дмитрия Ульянова. Как потом выяснилось, в это же время в том же дворе, в одной из двух башен, жили Зиновьевы. Я даже помню, как ходил в одну из башен в гости, посмотреть на чудо техники — цветной телевизор.

80-й год. Негативная энергия нашего пубертатного возраста сконцентрировалась на «застойном» социальном окружении. Книга «Зияющие высоты» был культовой в наших «кухонных» клубах. Упоминание или ссылка на нее создавали причастность и легко могли вызвать серьезные взрослые проблемы с властями. Кроме того, несмотря на младонигилизм, мы были воспитаны в безмерном уважении к легендарным *победителям*. Описание войны в «Зияющих высотах» придало нечто живое их образу. Однако фигура автора оставалась совершенно расплывчатой, из другого мира.

2003 год. Возникла идея провести выставки карикатуры в кинотеатре «Фитиль». Предложили начать с одного фронтовика-карикатуриста, тем более у него был юбилей... и вдруг оказалось, что это тот самый Зиновьев. Так мы познакомились.

Трагический 2006 год замкнул эту связь. Планируя поездку на место рождения Александра Александровича, я неожиданно узнал, что мы земляки. Семья моего отца из Мантуровского, соседнего с Чухломским — родным для Зиновьевых районом Костромской области.

Основное свойство человека — мышление. Александр Александрович Зиновьев владел различными его видами — рациональным, образным, эмоциональным, нравственным. Своим творчеством он блестяще ответил на один из главных вопросов XX (и не только) века, объединив картезианскую парадигму (аналитическую детерминированность формальной логики) с системным (холистическим) видением мира и экзистенциальностью личности. Причем сделал это в «классической» формулировке Ильи Пригожина «*И еще, заметим, новое отношение к миру предполагает сближение деятельности ученого и литератора*».

Но главным для меня остается не мастерская техника Зиновьева-философа, а целенаправленность Зиновьева-человека, его ответ на вопрос: «В чем смысл жизни?». Реализовав высокую пассионарность сразу двух его народов (человеиников) — российского и советского — он опровергает слова А. Эйнштейна «совершенство методов и неясность целей — вот что, по моему мнению, характеризует наше время». Целостность натуры и крестьянское упорство позволили Зиновьеву, поставив ясную цель, идти к ней всю жизнь, а разнообразие таланта далеко продвинуло на этом пути.

«Как будто кто-то приказал мне: “Иди!” И я пошел. ... Пойду до конца жизни тем путем, на который уже встал, — путем создания своего собственного внутреннего мира и собственного образца человека. Это и будет, — сказал я себе, — мой протест против всей мерзости бытия, мой бунт против порочности Вселенной и мрачного Бога».

Интеллектуальный рыцарь, осознавший себя в окружающем социальном хаосе, поднявший на щит моральные ценности и вставший на борьбу за Истину — вот возможный герой нашего времени, тот социальный маяк, который укажет путь и нашему поколению.

А. Т. Фоменко (академик РАН). Александр Александрович Зиновьев — выдающийся, уникальный мыслитель, социолог, писатель. Общение с ним поражало. Он постоянно генерировал новые идеи, часто абсолютно неожиданные. Мне довелось много общаться с ним, узнавать его суждения о самых разных областях науки и знаний. Жаль, что множество поразительных идей Александра Александровича, высказанных им в последние годы, пока не записано. Это следует сделать его собеседникам, дабы научная молодежь могла подхватить и развить эти мысли. Одну из таких идей Александра Александровича я сейчас вкратце опишу.

Александр Александрович много размышлял о том, как научиться высвечивать внутренний «логический скелет» тех или иных литературных, научных, философских сочинений. В том числе старинных. Как описать «логический костяк», на который «нанизаны», например, произведения Аристотеля, Платона, средневековых философов? Выделение такой «логической матрицы» позволило бы представить структуру литературного или философского произведения в виде графа, то есть набора «вершин», соединенных «ребрами» (отрезками). По образному выражению Александра Александровича, желательно было бы взглянуть на философский или социологический текст, как на ветвистое дерево, украшенное пышной кроной. Первое впечатление от произведения (часто внешнее и поверхностное) дает именно эта «лиственная крона». Однако она зыбка, колыхается на ветру и существует лишь потому, что в ее основе находятся ствол и ветви. Убрав крону, мы обнажаем тот «скелет», на котором зиждется произведение. В качестве «вершин графа», т. е. основных структурных блоков, Александр Александрович предполагал взять многочисленные логические понятия, категории, формулы, выработанные в процессе развития философии и употребленные в анализируемом тексте. Ведь каждый философ, создавая свой труд, оперирует устояв-

шимися понятиями, принятыми в его научном кругу и позволяющими разным ученым общаться друг с другом. Далее, в качестве «отрезков-ребер», соединяющих «вершины графа», Александр Александрович мыслил взять логические связи (связки), которыми пользуется данный автор, чтобы сформулировать и развить свою логику, вывести из посылок следствия. Список таких логических связей (переходов), в общем-то, известен и может быть формализован, перечислен. В результате рассматриваемый философский текст того или иного автора представляется в виде графа, т. е. как набор некоторых «вершин», соединенных «связями» — ребрами. Образно говоря, «логика течет вдоль ребер» этого графа. Другое представление «логического потока» можно мыслить, как говорил Александр Александрович, в виде логической матрицы, таблицы. По строкам и столбцам следует отложить логические понятия, встретившиеся в данном произведении, а те пары понятий, который оказались участвующими в той или иной логической формуле (переходе, связи), нужно отметить числом, стоящим на пересечении данного столбца и данной строки. Величина числа может указывать на характер данной связи: сильная, слабая и т. п.

Итак, получается «логический скелет», или «логический портрет» рассматриваемого текста. Ясно, что для разных произведений одного автора, а тем более для разных авторов это «логическое дерево связей» может быть различно. Следующая мысль Александра Александровича состояла в том, что произведения, созданные одним автором и более того, даже разными авторами, но творившими в рамках одной и той же философской школы, должны быть «в среднем» похожи друг на друга. Точнее, их «логические матрицы» должны быть в определенном смысле близкими. Если это действительно так, философия получила бы в свои руки новый мощный инструмент анализа многочисленных философских произведений, как древних, так и современных. Открылась бы возможность сравнивать их друг с другом, выделять близкие, далекие и т. п. В частности, можно было бы обнаруживать плагиат. Или устанавливать авторство того или иного недавно открытого, но ранее неизвестного старого философского текста. Конечно, здесь не обойтись без обширного вычислительного эксперимента с конкретными произведениями.

В заключение хочу еще раз призвать всех, кто имел счастье общаться с Александром Александровичем, записать те его искрометные идеи, которыми он буквально фонтанировал, щедро одаряя собеседников. Сам он не успевал фиксировать все свои мысли. Это должны сделать его ученики и коллеги.

Л. И. Греков (кандидат философских наук). *Алармизм Александра Зиновьева*. Строго говоря, назвать социологию А. Зиновьева алармистской было бы некоторым преувеличением. Но при определенных ограничениях сделать это можно. Алармистские мотивы можно найти во многих книгах Зиновьева. «И наступил конец всему» — так звучит заключительная фраза в «Зияющих высотах». От нее в душу невольно закрадывается тревога.

А «Катастрожка», «Горбачевизм»? Давайте вспомним, что было у нас 20 лет назад. «Ускорение», «перестройка» — этими лозунгами вдохновлялась масса советских людей, поверивших в спасительность нового курса. А Зиновьев сразу распознал подлинную сущность горбачевского реформаторства, увидел в нем пример «стремления человечества к преднамеренному самообману».

Наиболее полное выражение алармизм Зиновьева получает в его книге «Глобальный человек». Здесь он, пожалуй, впервые описал картину неизбежного кризиса деградации мировой цивилизации. «Мы превращаемся в гигантский мыльный пузырь истории», «мы создаем цивилизацию, обрекающую людей на одиночество». «Глобальный человек» Зиновьев написал в 1996 г. и заглянул в конец XXI века, т. е. на столетие вперед.

И что интересно. Описание Зиновьевым жизни человеческого общества в далеком будущем было настолько выразительным и четким, что я, готовя тогда книгу к изданию, пропустил одну деталь, которая, как выяснилось позднее, три года спустя, оказалась очень важной, стоящей всей книги. Речь идет о прогнозе, касающемся *нашей* страны и нашего народа. Главный персонаж «Глобального человека» Ро признается своему собеседнику, что сделал «величайшее открытие», нашел доказательства того, что на евразийской территории до конца XXI века проживал великий народ, который затем исчез с исторической арены и был буквально вычеркнут из истории человечества (Глобальный человек. М., 1997. С. 320). Почему, как я проскочил мимо этого предвидения? Наверно, потому, что тогда, в 1996 году, сами эти слова, пусть даже из уст Зиновьева, казались оговоркой автора. Ведь ровным счетом ничего не говорило в пользу этого мрачного прогноза.

Только спустя три года я, неожиданно для себя, вспомнил об этом тексте. И сразу возникли вопросы. Что именно имел в виду автор? Ведь в своих прогнозах Зиновьев ошибался очень редко, да и то, когда речь шла о деталях. Или что конкретно будет с русским народом, с Россией? Как реально будет выглядеть их исчезновение из истории? Самое же главное: может быть, еще можно

что-то сделать, чтобы остановить запущенные разрушительные механизмы? Или «бабочка Брэдбери» уже раздавлена, а «Аннушка уже масло пролила»? Эти вопросы мне удалось задать Зиновьеву публично, во время телевизионной передачи «Линия жизни» на канале «Культура». Но время эфира заканчивалось, и ведущая ответить ему не дала.

Зиновьев отвечал на эти вопросы в своих книгах позднее. Главная из них — «Русская трагедия» (М.: Алгоритм, 2002). Очевидно, нет смысла подробно пересказывать рассуждения автора о будущем России и русского народа. «Жертвой трагедии является Россия и русский народ как целостные социальные объединения», «осуществляется разработанный на Западе проект разрушения России, суть которого навязать стране такую социальную политику, которая исключала бы возможность возрождения России, подъем ее на уровень великих держав планеты», «вполне сознательно запланировано полное вычеркивание русских как особого великого народа из истории». Можно еще продолжать эти высказывания, но и без этого видна суть «русской трагедии», печальный финал русской истории. Печально и то, что зиновьевские прогнозы и анализ современной ситуации уже перестали быть уделом автора, они прочно вошли в общественное сознание.

Ныне разговорами о русской трагедии трудно удивить и вызвать тревогу. Алармизм Зиновьева, увы, становится общепризнанным.